

Сергей Монастырский

Жил-был Я

18+

Сергей Монастырский

Жил-был Я

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Монастырский С. С.

Жил-был Я / С. С. Монастырский — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Как молоды мы были, как верили в себя! Эти слова относятся практически к каждому человеку, начинающему жизнь. И вот она закончилась. Автор, переживший почти всех своих друзей молодости, размышляет о том, с каким финалом они пришли к концу жизни.

© Монастырский С. С., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Было жаркое лето 1968 года. Парень стоял на подоконнике второго этажа студенческого общежития и выделывал акробатические фигуры, демонстрируя молодецкую удачу, глядя в окно стоящего напротив серого невзрачного дома через пыльную июльскую дорогу. Там, в этом окне, не имеющего никакого отношения к институту дома, стоящего на рабочей окраине, симпатичная белокурая девчонка, стоя на подоконнике, передразнивала его акробатические этюды.

А в комнате студенческого общежития, подбадривая его – нас было много – и мне сейчас страшно подумать о том, о чем они еще не знают.

Они уже все умерли. Умер и друг мой, стоящий сейчас на подоконнике и клеющий из окна эту белокурую девушку напротив. Жизнь нам казалась бесконечной и все истории, о которых я рассказываю, только начинались.

А я пережил их всех, и знание это страшнее чем их небытие.

С девочкой этой мы больше никогда не встречались. И никто не знает, как сложилась бы жизнь моего друга, если бы они встретились. Но они не встретились. И жизнь его пошла по другому пути.

Стояли чудные советские годы жизни. Вспоминая их сейчас, я думаю, как все было просто и понятно. Потому что мы и представить не могли, как может быть по – другому устроен остальной мир.

Например, учились мы в литературном институте при союзе писателей и по окончании его, выдавали нам солидные красное коже дипломы, удостоверяющие, что Иванов – писатель, а например, Петров – поэт. И нечего, что во всем мире, считалось, что на писателя выучиться нельзя. Им можно только стать или не стать в зависимости от степени своего таланта. У нас же писатели и поэты ежегодно выпускались пачками: человек по триста в год. Вот такая была страна, но вообще-то все мы были счастливы.

Если бы я умел писать, так как периодически в толстых журналах пишет один грузинский режиссер, я бы так же мог бы, написать о несбывшейся жизни многих из тех о ком рассказываю и не случившихся историях, начало которых я видел. Режиссер тот грузинский писал совершенно гениально. Вот один из его рассказов «Как я познакомился с Феллини». Федерико Феллини почему-то был в Москве. Режиссер этот тогда был студентом, одного из Московских вузов, поднимался на лифте в одно из зданий. На каком-то этаже дверь открылась, в лифт вошел Феллини. Вот, подумал режиссер-студент, сейчас я скажу: «Здравствуйте, Феллини! И он пожмет мне руку, и я приглашу его к своей бабушке, живущей высоко в горах в Грузии...» и дальше идет десять страниц как они с Феллини гуляли по Грузии, как бабушка готовила им сациви, как пели песни и горели костры. И они долгими летними ночами разговаривали с Феллини.... Но тут дверь лифта открылась и Феллини вышел.

Да, умел бы я писать как этот режиссер, я бы рассказал вам, как как-то вечером, проходя по коридору общежития, я увидел пьяного, покачивающегося, в будущем знаменитого русского поэта Николая Рубцова, задумчиво роняя пепел с уже сгоревшей сигареты, Я запросто поздоровался с ним, залихватски сказав; «Привет, Коля! И он бы пьяный прочитал мне свои последние стихи и пожаловался мне, что его уже седьмой раз выгоняют из литинститута. Я, уже надолго переживший его, и знающий все, что с ним будет дальше. И о том, что его будут изучать дети в школе и о том, что нелепая русская баба, рыдающая стихами у его постели, задушит его подушкой. Но до этого, ему надо было прожить целую жизнь, правда, короткую. Оставалось ему, если я правильно помню, тринадцать лет. Но тут, как в случае с Феллини «лифт захлопнулся» и Коля, мутно посмотрев на меня, только и спросил:

– Какой курс?

– Второй – бодро ответил я.

– Совершенно не чувствуешь дистанции – ответил будущий известный поэт, с которым у меня могла бы случиться долгая история дружбы, застолий, мемуаров. Но не случилось.

Пройдет двадцать лет, при этом, я сейчас знаю то, что не знал тогда Коля, стоящий сейчас в своем прекрасном сегодняшним. И жизнь и слава которого, должно быть, казалась ему бесконечной.

Пройдет двадцать лет и пьяная районная поэтесса в затюканном номере районной гостиницы задушит его подушкой в пьяной обиде.

А этот мальчик на подоконнике, с которого мы начали повествование – мой друг, который, еще не зная, а я теперь знаю, что жить ему осталось недолго. Еще молодым он умрет от инфаркта посередине двора, напротив окон своей квартиры, где жила чудная девчонка, которая была его женой, и которую он осыпал ромашками, приходя вечером после работы, потому что девочка эта, в его представлении жила посреди летних полей и бабочки порхали вокруг ее кос. Мир не заметил его ухода. Остались от него рукописи, которые с годами пропали в пыльных шкафах. Жена его скоро вышла замуж за дальнобойщика, и когда тот возвращался из рейса, они пили водку за семейным столом и пели пьяные песни. И бабочки больше не летали в этой квартире и ромашек как-то не наблюдалось. Ну не приносил их дальнобойщик. Маленький сын его, который успел родиться, вырос, уехал в другой город и следы жизни моего друга совсем потерялись в этом мире. Но это позже.

А сейчас, шло лето 1968 года, и друг мой стоял на подоконнике окна общежития, и поражал своей мускулатурой девочку, смотрящую на него из окна дома напротив. А наша компания выдавала гримасы за его спиной, подбадривая его к предстоящему подвигу.

Мне грустно, что глядя сейчас в прошлое, я знаю о судьбе каждого из них, потому что большинство из них я пережил.

Был среди нас кочегар, просто мы его так называли, потому, что по великому несчастью, работал он в какой-то газовой котельной. Тогда в советское время не работать было нельзя: сажали за тунеядство. А он, как и все мы, писал. Писал днями и ночами свой великий так и не оконченный роман, а в котельной писать очень удобно: пару раз посмотришь на приборы и опять пишешь. По-моему он там и жил. Потому что из дома жена его выгнала. Ну, никаким он был мужем. Он был писателем. И из института его выгнали. Ну не интересно ему было сдавать экзамены и ходить на лекции. В голове у него был только его неоконченный роман и, наверное, он был очень талантливый. Потому что, когда мы заходили к нему в кочегарку, он иногда читал там, и это было здорово! Велик и ясен был его путь к славе. Но как-то он открыл дверь и впустил дворовых алкашей просившихся погреться. Его культурных речей они не поняли и забили его до смерти.

Говорят, что рукописи не горят. Еще как горят! После похорон, мы пришли в кочегарку, чтобы забрать его рукописи- их не было.

– Лежали тут какие-то бумаги – сказал нам тот, кто был теперь на его месте

– На хрен они мне нужны. Сжег их.

Так проходили моя жизнь и жизнь тех, кто со мной эту жизнь проживал. Вообще-то была хорошая жизнь, потому, что другой мы не знали. Другая открылась нам потом, когда жизнь многих из нас уже закончилась, а у оставшихся заканчивается. И та и другая жизнь нам открылась глазами тех, кто живет сегодня. Открылись КГБ, съезды партии, жуткие очереди, уравниловка – 120 рублей зарплата для всех. Вообще, тот особый путь, по которому шла эта страна, как оказалось, к своему разрушению. Но в этой жизни нам было уютно.

Шел 1968 год ...

Мы были молоды, радостно и весело, шли к своей заветной цели: стать великими и оставить после себя нетленные романы. Толстой и Шолохов- тут рядом не стояли!

Тем летом, как-то раз, сидели мы с другом в кафе и клеили, конечно, двух девиц, подсев, разумеется, к ним, типа все остальное занято. И шел у нас высокохудожественный разговор, и поведали мы им о своей великой цели и предназначении. Не для похвальбы, а чтобы усилить интерес к себе, думая, что после этого они уж точно нам не откажут.

– А Вы для чего живете? – вдруг сообразил спросить их мой друг.

Девушки удивились и одна из них сказала:

– Да, просто, живем! Разве это не интересно, просто жить?!

Как-то потускнело вокруг нас. И интерес к девушкам тут же пропал по причине их простоты и придурковатости...

Потом, спустя много лет, когда никто из нас не стал великим и полжизни истратил, идя по дороге к великой цели и так, не дойдя до нее, я понял: правы были девушки, пока мы шли-они жили, не удручая себя высокими целями и мыслями. На жизнь у них оказалось гораздо больше времени, чем у нас.

Иногда я смотрю фотографии. Редко это делаю, потому что на них то, что давно прошло, да многие, кто на этих фото тоже прошли. Грустно, плакать хочется. Потому и не смотрю. Но иногда все же. ... Вот на этом еще черно-белом фото почти вся наша институтская компания – это был канун Нового года. Мы окончили институт и разъехались, но в этот год, я решил объединить у себя институтских друзей и кое-кого уговорил приехать.

И вот утром, после почти бессонной ночи, всю проведенную в разговорах, вине и сигаретах, мы вышли на улицу просто так. По – моему, вся пьянка у нас выветрилась из наших голов, покрытых советскими ушанками, потому что было морозно и пустые улицы были прекрасны. Под фотографией подпись: «Как молоды мы были». Как же мы были молоды! И конечно верили в себя.

Вот Долгуша – Коля Долгов. Он влюбился один раз и навсегда. Можно сказать, измором взял свою Тому, чтобы она вышла замуж. Она его никогда не любила. А ему и не надо. Он знал это, но был счастлив. Родился ребенок. Она ушла от Коли, больше не могла терпеть. Девка-то была хорошая. Она два раза выходила замуж. Он ее ждал. Никогда потом не женился. Ждал. Потом она оказалась одна. Сын вырос, уехал. И Коля к ней пришел. Типа: «Может чем помочь надо?». Он помогал, больше не разрешала ему ничего. На ночь он уходил к себе. И снова был счастлив. Потом он умер. Она его похоронила. На похоронах сказала: «Это был единственный мужчина, который меня любил». Но она уже была старая. Да и Коля умер, надеюсь, он прожил счастливую жизнь. А сейчас на фото – Коля молодой, красивый. Рядом я, но обо мне не надо. Я еще живой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.